

Это место находилось совсем рядом с горой Ланкоу, и во всей деревне, кроме Чэнь Саньси, никто не осмеливался здесь жить. Хижина раньше принадлежала тому самому охотнику; после того как он ушёл в горы и не вернулся, она осталась Саньси.

Юноше было лет четырнадцать, но он заметно превосходил сверстников по росту и силе: на нём была лишь короткая куртка, открывающая крепкие, мускулистые руки. Лю Гуюй мельком прикинул - рост у него, наверное, уже под метр семьдесят.

Помедлив, Лю Гуюй всё же сказал:

— Наша младшая сестра, возможно, ушла в горы. Мы хотим зайти поискать.

Чэнь Саньси ничего не ответил, непонятно, услышал ли он вообще; он молча развернулся и ушёл в хижину, оставив Лю Гуюя и Цинь Жунши переглядываться.

Цинь Жунши посмотрел ему вслед и уже собирался сказать:

— Я всё же...

Но не успел закончить, как Чэнь Саньси снова вышел. Теперь на нём была надета верхняя одежда, штанины и рукава туго затянуты, за поясом висел тесак, а в руках он держал железное копьё.

Подойдя ближе, он окинул Лю Гуюя и Цинь Жунши взглядом и коротко сказал:

— Пошли. Разве не людей искать собирались?

— А? Э-это... может, всё-таки ещё кого-нибудь позовём? — растерянно спросил Лю Гуюй.

Чэнь Саньси протянул железное копьё Цинь Жунши, снял с пояса тесак, затем срубил у дороги палку толщиной со скалку и подал её Лю Гуюю.

— Не смотри, что я молодой. С детства с приёмным отцом по горам ходил, в деревне нет никого, кто лучше меня знал бы здешние тропы.

Пока охотник был жив, он часто брал его с собой на промысел; правда, из-за ребёнка они не заходили далеко вглубь, ходили только по окраине. Но и этого хватило, чтобы юноша отлично знал все пути на окраине горы Ланкоу. После того как охотника не стало, он зарабатывал себе на жизнь сам: иногда заходил в горы, добывал фазанов или зайцев, чтобы хоть немного подкрепиться, а порой, если везло, попадались и более крупные звери - косули или дикие козы. И правда, в деревне вряд ли нашёлся бы кто-то, кто лучше него знал бы тропы горы Ланкоу.

Так, следуя за Чэнь Саньси, они вошли в горы: высокий юноша шёл впереди, время от времени выхватывая нож и рубя колючие заросли, преграждавшие путь, а иногда оборачивался и говорил:

— Сейчас жарко, в горах много насекомых и змей. Когда идёте, лучше палкой постукивать по траве у ног.

Лю Гуюй только теперь понял, зачем тот срубил ему палку, и поспешно стал послушно размахивать ею, простукивая кусты по сторонам. Цинь Жунши шёл последним, опираясь на железное копьё выше его роста, и всю дорогу хмурился. Он беспокоился за Цинь Баньбань - боялся, что сестра заблудилась, а ещё больше - что, не найдя дороги, она в панике уйдёт глубже в горы. Никто не осмеливался заходить в глубину Ланкоу; даже если бы он обратился к старосте, вряд ли нашёлся бы кто-то, кто согласился бы пойти на поиски. Чем больше он думал, тем сильнее хмурился.

И вдруг в этот момент Чэнь Саньси, шедший впереди, резко остановился, присел на корточки и протянул руку к земле, ощупывая влажную почву. В отличие от Цинь Жунши, который лишь старался выглядеть серьёзным, у этого юноши, казалось, от природы было холодное лицо; в памяти прежнего хозяина тела он был человеком замкнутым, малоразговорчивым и не любил общаться с людьми.

Глядя на его холодное лицо, Лю Гуюй невольно занервничал и поспешно спросил:

— Ч-что... что случилось?

Чэнь Саньси поднялся, стряхнул с ладоней землю и сказал:

— Приёмный отец учил меня распознавать следы. Эти - свежие, и по размеру действительно похожи на следы маленькой девочки.

Глаза Лю Гуюя тут же загорелись, а стоящий позади Цинь Жунши тоже невольно шагнул вперёд - оба с надеждой смотрели на Чэнь Саньси, ожидая продолжения.

— Однако...

Этот мальчишка ещё и паузу сделал, Лю Гуюй чуть не задохнулся от волнения, уставившись на него в ожидании.

Чэнь Саньси раскрыл ладонь, показывая лежащие в ней сосновые шишки, и продолжил:

— Однако, похоже, она оставляла метки... Я вижу, по дороге лежат шишки - видимо, она ими помечала путь.

Сказав это, он на мгновение задумался и добавил:

— Твоя сестра умная.

Услышав это, Лю Гуюй и Цинь Жунши наконец облегчённо выдохнули, и втроём двинулись дальше в гору, громко переключаясь:

— Баньбань!

— Баньбань!

Пройдя ещё около четверти часа, они наконец увидели небольшую фигурку, идущую им навстречу. За спиной у неё была корзина, одежда оставалась чистой, только матерчатые туфли были обляпаны грязью - это и была Цинь Баньбань. Правой рукой она опиралась на палку, в левой сжимала несколько сосновых шишек и, прихрамывая, шла к ним.

Услышав их голоса, девочка тут же радостно закричала:

— Здесь! Брат! Старшая невестка! Я здесь!

Лю Гуюй и Цинь Жунши тут же бросились к ней, а Чэнь Саньси остался стоять на месте и, не меняя выражения лица, спокойно сунул собранные шишки в карман.

Цинь Баньбань и Цинь Жунши были близнецами, очень похожими друг на друга, различались в основном глазами: у Цинь Жунши были узкие, вытянутые глаза феникса, а у Баньбань - живые, круглые, абрикосовые, особенно милые, когда она улыбалась.

Увидев брата и старшую невестку, девочка обрадовалась и поспешно замахала рукой, но, заметив, как Цинь Жунши с серьёзным лицом подходит к ней, сразу испугалась - подумала, что он будет её ругать. Ведь она тайком ушла в горы!

Цинь Жунши подошёл, нахмурившись, внимательно осмотрел её с головы до ног, и взгляд его остановился на её прихрамывающей ноге:

— Что с ногой?

Цинь Баньбань запнулась, затем торопливо ответила:

— Я... случайно подвернула.

Цинь Жунши с каменным лицом помолчал, затем повернулся, слегка наклонился и коротко

сказал:

— Забирайся.

Он сделал жест, предлагая сесть на спину, даже чуть отвёл руки назад. Баньбань на мгновение растерялась, и лишь после того, как Лю Гуюй мягко подтолкнул её, опомнилась и, прихрамывая, забралась брату на спину.

Раз девочку нашли, все трое направились обратно той же дорогой, а Лю Гуюй всю дорогу не переставал ворчать:

— Баньбань, больше так нельзя! Это же опасно!

— Твой брат чуть с ума не сошёл от тревоги!

— Я понимаю, ты переживаешь за дом, но у тебя есть мы с матерью - мы, взрослые, сами найдём выход. А вам, детям, не стоит об этом думать, а то не вырастете!

— Эм... Эрлан, ты не устал? Может, давай я немного понесу?

...

Цинь Жунши не согласился, лишь покачал головой и продолжил идти вперёд.

Цинь Баньбань, лежа у него на спине, тихо сказала:

— Сегодня мне повезло, я нашла несколько «бессмертных корней» (тяньма), и они довольно крупные, можно будет продать в аптеке в городе.

Голос девочки был тихим, но в нём слышалась радость. Хотя она и ушла в горы тайком, действовала она очень продуманно - по дороге оставляла метки, так что даже без помощи Чэнь Саньси смогла бы вернуться сама. Просто из-за подвернутой ноги шла слишком медленно и потому задержалась.

Цинь Жунши немного помолчал, затем сказал:

— В следующий раз не ходи.

Девочка поджала губы и спустя долгое время тихо ответила:

— Хорошо...

Заметив её огорчение, Лю Гуюй, который постоянно следил за настроением детей, поспешно подошёл ближе; он нёс её маленький плетёный короб и теперь заглянул внутрь: там лежала мотыжка для трав, несколько неизвестных ему растений и несколько крупных, ещё покрытых землёй свежих корней тяньма.

Тяньма, или «бессмертный корень», даже на горе Ланкоу считалась редким и ценным лекарственным сырьём.

Лю Гуюй тут же поднял большой палец и похвалил:

— Баньбань, ты просто молодец!

Цинь Жунши на мгновение остановился, а затем тихо добавил:

— Угу.

Цинь Баньбань наконец тихонько улыбнулась и кивнула:

— Я поняла, больше не буду ходить.

Спустившись с горы, они у подножия ещё раз поблагодарили Чэнь Саньси, после чего, неся Цинь Баньбань на спине, направились домой.

На полпути Цинь Жунши вдруг сказал:

— Старшая невестка, я сначала отнесу Баньбань домой. А ты возьми свежие травы и сходи к лекарю Ваню, обменяй на мазь от ушибов и растяжений.

Лю Гуюй кивнул, взял корзинку и пошёл по развилке к дому лекаря Ваня. Там он обменял травы на небольшую миску лечебного масла - отдал почти всё, что Баньбань собрала, кроме тяньма. Сам лекарь, заглянув в корзину, аж оживился:

— Ого! Какие хорошие «бессмертные корни»!

Глаза Лю Гуюя тут же блеснули, и он спросил:

— А вы их не покупаете?

Ведь Вань-дафу был единственным лекарем в деревне, если удастся продать здесь, не придётся идти в город.

Но тот сразу замахал руками:

— Ох, это ведь ценный материал, да и стоит недёшево, мне такие вещи не по карману! Зато могу подсказать: в городе есть «Цяньцзиньтан», там врач Ли - человек порядочный. Твой свёкор при жизни как раз туда травы сдавал. Отнесёшь, получишь хорошую цену!

С этими словами он даже прикинул вес корней, прищурившись:

— Хм, хорошая тяньма, тут больше цзиня будет. В городе за такое как минимум сотню-другую вэнь выручишь.

Лю Гуюй обрадовался. Конечно, в тех романах, что он читал, герои выкапывали женьшень или линчжи и продавали их за десятки, а то и сотни лян серебра! Но и двести вэнь его вполне устраивали, ведь наёмный работник в городе за день зарабатывает всего двадцать-тридцать вэнь.

Лю Гуюй, неся за спиной корзину и держа в руках чашу с лекарством, радостно вернулся домой. Ещё не успев войти во двор, он услышал, как Цуй Ланьфан ворчит:

— Ай, ну как же ты так неосторожно идёшь! Быстро в дом, дай матери посмотреть, не распухло ли?

Лю Гуюй вошёл, передал лекарство Цуй Ланьфан и увидел, как она поддерживает Цинь Баньбань, уводя её в комнату, видимо, мазать ногу.

Перед уходом она сказала:

— Ужин уже готов, вы двое пока накройте на стол, я Баньбань намажу и выйду!

Лю Гуюй послушно пошёл на кухню и увидел, что в котле варятся комочки теста с соленьями: грубая мука, тесто рваное, с желтоватым оттенком, в бульоне ещё томились крупно нарезанные куски картофеля. Всё это было сварено с солёной острой закуской и приправлено солью - запах, как ни странно, оказался довольно аппетитным.

Он открыл скрипучий шкафчик, достал четыре большие чашки, разлил по ним густую похлёбку, и, обернувшись, увидел, что Цинь Жунши уже протёр стол, даже приготовил для матери лекарство и теперь молча ставит посуду на стол.

Когда всё было расставлено, Цуй Ланьфан привела Цинь Баньбань, и вся семья села за ужин.

После еды Цуй Ланьфан позвала Лю Гуюя в комнату. Он вошёл, всё ещё ничего не понимая, и по дороге думал: что это значит? О чём таком нужно говорить тайком? Неужели она поняла, что я не настоящий?

«Не может быть... да нет, не может. Эта наивная добрая матушка ведь не настолько проницательна!»

Цуй Ланьфан не сразу заговорила и, кажется, даже не заметила растерянного выражения на лице Лю Гуюя. Она достала со дна шкафа пожелтевший лист бумаги и протянула ему.

Глядя на её мягкое, доброжелательное лицо, Лю Гуюй подавил сомнения, натянул привычную улыбку и развернул лист. В самом начале было выведено три крупных иероглифа - «письмо о разводе».

Письменность древняя, но читать он мог без особого труда: это действительно было письмо, освобождающее супруга от брачных уз. Смысл его сводился к тому, что между мужем и супругом нет чувств, поэтому последний получает свободу и может вновь вступить в брак по своему желанию.

Ого... кто это тут собирается замуж? Кто?! Кто, чёрт возьми?!

Лю Гуюю стало уже не до улыбок.

Цуй Ланьфан потянула его сесть на кровать, похлопала по руке и, тяжело вздыхая, начала говорить с искренней заботой:

— Сынок... эх...

— Мать знает, что ты хороший ребёнок... эх... но всё же... эх...

Лю Гуюй: ...

Хороший-то хороший, но можно не использовать «эх» как запятую?

<http://bllate.org/book/17177/1610374>